

Львов-Анохин Борис Александрович
5.12.96.

Независимая газ.
1996 - 5 дек.
с. 7

Его судили, но оправдали

«ПРОЦЕССОМ ВЕКА» был назван очередной антиюбилей, отпразднованный на днях в Большом зале Центрального дома актера имени А.А.Яблочкиной. В пригласительном билете было обещано слушание дела о разводе — судя по всему, о разводе Бориса Александровича Львова-Анохина (не так давно отметившего 70-летие) с театром. Вашему корреспонденту не доводилось присутствовать на столь занимательных и в самом деле веселых вечерах: от души дуррачились Владимир Андреев (он был одет в цветастый восточный халат и исполнял наисерьезнейшую роль председателя суда — время от времени он удалялся на совещание сам с собой, не покидая сцены), Евгений Лазарев (обвинитель), Людмила Савченко (защита), упоительно-вдохновенная Лилия Толмачева (свидетель то ли обвинения, то ли защиты, — трудно было понять, чего было более в ее пронзительной, то заставлявшей смеяться, то казавшейся совершенно серьезной и должной вызывать слезы сочувствия речи), Николай Пастухов, Владимир Зельдин, Нина Сазонова. Да что говорить: собраты на одной сцене так много выдающихся, знаменитых и просто народных артистов и заставить так раскованно веселиться мог только наисерьезнейший повод. Каким и стал прошедший некоторое время назад юбилей Львова-Анохина.

В Доме актера дань уважения и любви режиссеру отдали артисты драматических театров (некоторые, правда, пытались танцевать, что получалось смешно), а прежде в любви замечательному режиссеру и балетному критику признались артисты балета.

В переполненном зале Театра имени Пушкина присутствовали Игорь Моисеев, Владимир Васильев, Михаил Лавровский, Наталья Касаткина и Владимир Васильев.

Львова-Анохина среди прочих поздравили три великие балерины — Галина Уланова и Алла Шелест прислали телеграммы, а Ольга Лепешинская поднялась на сцену и сказала следующие слова:

— Дорогой седой молодой человек, Борис Александрович! Я поздравляю вас с юбилеем! Я только что вернулась из Киева. Так вот там, в Киеве, я узнала некоторые подробности вашей биографии, с которыми я хочу познакомиться и вас, чтобы вы их вспомнили, и собравшуюся сегодня в этом зале публику.

Давно-давно в семью Амвросия Бучмы пришел худощавый, с копной черных волос очкарик. Звали его Борис — тогда отчества у него еще не было. И он сказал этому замечательному артисту, народному артисту СССР, могикианину, одному из лучших артистов Украины, что он хочет написать о нем книгу. И, представьте себе, этот очень талантливый, маститый художник сказал: «Хорошо». И вот ночами он играл перед этим мальчиком, по существу, все те роли, которые за свою жизнь сыграл в драматическом театре.

Мне рассказали еще, что Борис Александрович (уже с отчеством) ставил в Киеве пьесу Леонида Зорина, называлась она «Транзит». Актеры были влюблены и в пьесу, и в Бориса Александровича, но, к сожалению, пьесу сняли с репертуара. И вот, провожая Львова-Анохина, замечательная актриса Ада Роговцева разбила хрустальный бокал о колеса поезда, уводившего Бориса Александровича в Москву...

И все-таки, Борис Александрович, — кто вы такой? Режиссер или театрально-балетный критик? Замечательный поэт Расул Гамзатов сказал, что у него две матери: одна — та, что родила, другая — та, что вырастила. А когда его спросили, какая же важнее, — он ответил: «У орла два крыла. Какое из них важнее?..»

Г.А.